

Вечером меня вызвал начальник разведки армии полковник Чернов с просьбой — слетать в тыл, одна группа дала условленный сигнал, есть важные документы. Заодно сообщил и приятную новость для меня лично. Вторая группа в радиограмме поблагодарила меня за советы с польскими ПТР, они никого не потеряли, зато устроили немцам такую пробку на железной дороге, что только держись. И второй мой совет им понравился — «Главное не кто кого перестреляет, а кто кого передумает». Умно и хитро поступали — вот у них потерь нет, а к противостоящей нам 7 армии фашистов припасы не поступают, вот чего они притихли. И не только благодарят за советы, но и предлагают наградить меня, раз потерь у них нет. Ну а вот фашистам снабжение они сильно порушили.

Еще Наполеон говорил — главное в войне, так это снабжение армии. Ну а ко мне — большая просьба слетать в тыл, особист с зубовным скрежетом дал «добро». И смеётся Чернов — сам он с тобой не полетит, трус, когда ему предложили — побелел, за сердце схватился и чуть в обморок не упал. Они герои только бить и пальцы в дверь совать, а вот воевать... Как лучше слетать? Лететь лучше всего на «Шторхе», так я и сделал. Садиться он, этот «Аист», может просто на пятачке. Провёл я регламентный осмотр — вроде всё в порядке, оба бака полные уже, так что через два часа полёта — условный сигнал.

Ребята мигнули фонариком, как условились, сразу подбежали к самолёту, я двигатель и не выключал, вручили мне портфель с документами и в нагрузку, надо полагать — красивую девушку в немецкой форме со связанными руками, она была в машине какого-то немецкого чина, которого ребята из РДГ застрелили. Ну перегруза не будет, хотя эта молодая дама очень аппетитная, формы у неё довольно классные. Загрузившись, я взлетел, но вскоре по пути мотор стал чихать и глохнуть. Пришлось сесть — вот так летать на чужой незнакомой машине! Вылез я из кабины злой, как сто чертей — а что дальше? Ну а пока решил поесть, перед вылетом не успел, а то сейчас кишка за кишкой стали гоняться. Развязал руки этой девушке, очень красивая кстати, луна светила вовсю, да и фигура классная. Сели мы под густым деревом, я расстелил брезент, выложил из рюкзака еду и термос и жестом показал ей, что можно «подзаправиться» — немецкого я почти не знал, да и общаться мне с этой немкой не о чем.

Мы поели, она тоже явно была голодна, а как только я встал и положил рюкзак с едой в салон, эта стерва подскочила и бежать. Я догнал её, сбил с ног, навалился и почувствовал сильное желание. Ах так, стерва немецкая, придётся тебя наказать — поставил я её «рачком», задрал узкую юбку и, стянув её трусы, лихо вошел в неё, она только заохала. Приятно было и очень, плотненько так, очень горячо внутри, но кончить долго я не мог — нервное напряжение! Но вот и эта моя «подруга» оживилась и стала двигаться своей упругой попкой мне навстречу и сладко-сладко охать, затем бурно кончив, она упала грудью вниз, лишь её аппетитная попа совершенной формы осталась в моих руках. Тогда кончить я решил в эту её попу аппетитную, которая светилась белой кожей в полутьме. Она вновь громко заохала и так громко взвыла: — Ой, не надо туда, больно так, не нужно, мне больно, — так она русский язык знает. А это тебе в наказание, не нужно было тебе, стерва немецкая, от меня убежать.

Кончил я с удовольствием и, притащив её к брезенту, где мы поели, кинул её там. Ну соблазнительно как она лежит — юбка задралась к талии, открыв её длинные ножки в

чулочках, белые трусы она успела подтянуть и они так нагло светятся в полутьме! Немного допросил её, она призналась, что она наша, звание — лейтенант, окончила московский пединститут, знает немецкий в совершенстве, служила в разведотделе штаба фронта, да за адъютант с женатым полковником её отправили с группой в немецкий тыл, что была в подполье, получила приказ внедриться в штаб немецкий переводчицей, передавала данные под условным именем, а теперь все подпольщики погибли — гестапо работает здорово и не дремлет.

Ну и что ей оставалось делать? Накопила она данных, только передать некому, а её покровитель, пожилой полковник СС, таскал везде её с собой — она работала переводчицей, даже звание ей унтершарфюрера оформил, вроде она фольксдойч. И вот теперь разведчики убили её шефа, что ей делать, куда податься? Я стал её успокаивать, вскоре мы стали целоваться и я нагло, на правах победителя — устроился между её ножек. Кончить она разрешила в неё, мол особысты всё равно расстреляют. А когда я кончил, одновременно с этой девушкой, если не брешет — нашей разведчицей, почти весь в неге, то ещё немного полежал между её ножек и тут до меня дошло — есть идея!

Вот в таком пикантном положении мы и поговорили — я разлёгся между её широко раздвинутых ножек, глядя её по упругой груди, мой член всё ещё слегка пульсировал, капли моего естества стекали в её лоно, девушка — зовут её Надежда, вздрагивая и сладко охая от полученного удовольствия, теперь получила надежду и согласилась со мной. Потом она так тихо попросила меня, опять поцеловав: — Я согласна, товарищ капитан. Так и сделаем. Отлично Вы придумали. Хочу сказать, что мне было очень хорошо с Вами. Только слезьте с меня, мне в туалет нужно.

Ну хорошо, мне тоже. Вот когда я отлил, тут до меня дошло — второй бак, я же не переключил кран. Идиот! Я сорвался и бегом к самолёту, Надя вновь легла на брезенте, её глаза просто засветились в этой полутьме немецкого тыла — есть шанс! Переключил кран, провернул винт, потом смотрю, а стрелка показала наличие горючки. Хотел я было поднять лежащую на брезенте Надежду, как она вдруг предложила дать мне ещё — так она боится возвращаться. Выпила она колпачок коньяку и, сняв юбку и трусы, встала на колени. Расстегнув мне брюки, она своим горячим язычком вскоре лихо подняла моего «орла» на боевой пост и мы вновь предались страсти. Обалдеть! — мы в немецком тылу, ночь, надо скорее домой, а мы всю ласкаем друга друга, я вновь лежу у неё между ножек, а Надя громко охает и сладко стонет, крепко обнимая меня.

Я теперь долго не мог кончить, а вот Надя точно кончила дважды, сильно укусив меня за плечо, как она потом объяснила — чтобы не орать от удовольствия! У неё давно не было секса нормального, а немецкий полковник заставлял её постоянно «брать за щеку», как он шутил. Вот сейчас она просто в невероятном удовольствии, несмотря на такую же невероятную ситуацию. И, сообразив, что я всё ещё не могу кончить, Надя ловко выскочила из-под меня и вскоре мой «орёл» нежился в её умелом ротике. Хороший «учитель» из немецкого полковника получился! Кончил я бурно, тихо зарывав от восторга. Как ни странно, обычно после секса меня тянет спать, а сейчас я был бодр, видимо сказалось и сильное нервное напряжение — мы же сейчас в тылу врага! Попили мы с ней кофе из моего термоса, я достал отличный трофейный шоколад, Надя всё время улыбалась и — от винта! Вскоре мы летели обратно. Радиополукомпас чётко указывал направление, тут я услышал: «Абфарен!» — меня ждут и волнуются. В ответ я рявкнул условленное: «Ахтунг! Нойн!» — что всё в порядке. даже

чуть дальше — пешим сексуальным маршрутом, наш начштаба приказал приготовить охрану, он спешит в штаб фронта. Надя сняла немецкий мундир и пилотку с германским орлом и стала обычной нашей девушкой, говорящей по-русски — особисты немного успокоились, а Наде наш взволнованный и озабоченный Петрушевский сунул документы для перевода. Вскоре все они совещались в кабинете Петрушевского, Надя вновь переводила документы на русский — ситуация важная, а меня отправили спать, устал я сильно. Через час меня вдруг стали будить особисты, я чуть их не пристрелил спросонья. Как я матерился — идиоты тыловые! Пришлось вставать и рассказывать, что было в тылу. Предупредив, что если меня будут бить и требовать признаться, что меня завербовала немецкая разведка, я взорву их всех нахрен, достав ту самую учебную Ф-1, знаменитую «лимонку». Но теперешний особист был более адекватный и, только слегка побледнев, громко засмеялся, сказав, что всё просто — контрразведка фронта требует сведений о полёте, очень важные бумаги я привёз из тыла в портфеле. Вот почему меня разбудили, сейчас застенографируют мой рассказ и можно спать дальше. И подсластили пилюлю — мне светит крупная премия за сбитый из «Эрликона» тот грозный «Ю-52» с немецкими десантниками и орден Александра Невского — за уничтожение аэродрома и танкового полка фашистов, они сами слышали, что говорил Пухов.

Потом была радиограмма — парни в тылу попали в засаду, их окружили, так что эта группа замолчала. Вот так Надю они спасли. Храбрые ребята, чего уж тут. И немцам они крови попили знатно. Но почти все наши РДГ фашисты уничтожали — нужно вовремя уходить из того района, да наши высшие командиры...

На следующий день был новый приказ — меня попросили слетать на Пе-2, он один в этой авиадивизии, экипаж мне дали, быть ведомым и навести полк И-15 на станцию. Я также предложил использовать и Су-2, после расчистки неба они могут нанести удар еще большей силы — вёрткие и скоростные, эти лёгкие бомбардировщики, да ещё и с «эрэсами» — это отличный шанс совсем разгромить узловую важнейшую станцию. Я зашёл с запада, со стороны солнца, выпустив шасси, так что «Пе-2» стал немного похож на «Лапотник» и смог сбросить «ОФ-100» и осколочные бомбы на позиции зенитчиков. Ну а ребята на И-15, не опасаясь зениток, разгромили станцию, уничтожив почти танковый полк на платформах, а затем и «Сушки» примчались — дым стоял до неба. Мы полетели обратно, стало уже темнеть, а в пути вдруг резко запахло бензином, пришлось сесть, увидев в свете луны отличную длинную поляну, выключив кран подачи бензина. Оп-па! — а тут стоит наш У-2, крыло сломано, а дальше второй, хвост у него разбит и мотор дымит. Наш стрелок с моим трофейным фонариком стал смотреть наш бензопровод — его пулей зенитчиков перебило. Вот почему так пахло горючкой и двигатель глох. Равиль сказал, что сейчас починит.

Он быстро соединил пробитый бензопровод резиновой трубкой — руки у парня золотые. А тут, видимо услышав наши негромкие маты, нас позвали женские голоса, слегка нас испугав — три девушки из женского полка ночных бомбардировщиков. Радости было, расцеловались, а девушки говорят, что тут какой-то склад вроде. Я взял фонарик и мы пошли со штурманом — да это явно немецкий аэродром подскока, а немецкая охрана, плюнув на «Ордунг», скорее всего пирует в селе. А наскладировано тут!

Штурман у меня тоже был сибиряк, мужчина весьма обстоятельный и очень хозяйственный, так что мы решили немного собрать трофеев. Вначале мы переодели девушек в немецкие меховые комбезы, раздев их догола, одна даже в азарте и рейтузы скинула, дав им и немецкие удобные шлемофоны — лететь они будут в бомболюке, а там дико сквозит, третья девушка

пилот легко ранена, мы её перевязали и тоже переодели в меховой комбинезон. А тут подходит первая, которую мы ранее переодели, такая статная девушка и представившись — «Капитан Воронина», сказала, что куда-то убежала её штурман, нужно её поискать. Мы прошли чуть вперёд, Воронина громко позвала, а тут мы слышим идиотский приказ: — Руки вверх! Бросайте оружие! Лечь на землю!

— Дура ненормальная, не ори, немцы услышат. Быстрее иди к нам, быстрее, мы сейчас улетаем, — негромко рычит Воронина. — Нет, сдавайтесь и бросайте оружие, я буду стрелять. — Да иди ты на хер, дура ненормальная, не ори только, мы в немецком тылу, идиотка такая, — приглушённо взвыл Равиль. Всё, командир, улетаем, — и мы пошли обратно. Ещё точно выстрелит. Она в шоке и, скорее всего, сейчас полностью неадекватна. Такое часто бывает — их же подбили! Сам хитрый татарин, засунув девушек в бомболок, тут же стал таскать туда и ящики с консервами из кучи, стоящей у деревьев. Один ящик засунул мне за сиденье, второй себе, сообщив, что там кофе, точно — пахнет так обворожительно! Ну а я, посветив аккуратно, сунул к штурману два небольших ящика с красными крестами — отличные немецкие медикаменты, это ещё важнее. И тут прилетает, громко топоча, эта юная совсем дурочка и машет пистолет, мол, берите и её немедленно, а то она будет стрелять. Ну ненормальная, точно! И не в себе, трусится вся! — Быстро раздевайся, а то мы улетаем. Быстро! — Да вы что, я ещё девушка! Мне всего 18 лет. Я вам не дам, вот! Я вас застрелю и сама застрелюсь! Не дам меня насиловать, вы все негодяи! Я буду стрелять! А изнасиловать не дам! Полная идиотка, она решила, что мы сейчас будем её насиловать — самое время! Сильная пощечина и она полетела в одну сторону, а пистолет — в другую. Пистолет, кстати, был без патронов — полная идиотка! Через минуту с моей помощью и Равиля она осталась в одних трусах, а потом и без трусов — наглый Равиль постарался, заодно получив пару смачных шлепков по своей мягкой попке — для профилактики и чтобы не орала больше, затем мы одели на неё немецкую обнову, а бомболок уже закрыт, да и там и места нет — ящики с консервами. Ехидный Равиль, покашлял коварно, намекая мне, что шутит — и такую резолюцию выдал: «Консервы нужнее, давай, командир, её тут оставим. Но если она мне даст по прибытию домой — тогда и возьмём её». Эта ненормальная взвыла в голос: «Дам! Дам, только не бросайте! Всем дам! Точно дам, только заберите!» Полный юмор, несмотря на ситуацию. Равиль и придумал — раз девчонка такая маленькая, он посадил её к себе на руки в кабине стрелка, стрелять ему всё равно нечем, всё выпулил.

Утром в авиаполку был переполох — когда мы с трудом сели, помня, кто у меня в бомболоке, я сажал «Пешку» очень нежно. Какая встреча — нас ждали и начштаба и начальник разведки и, конечно — особист. Я вылез и доложил, а тут штурман потихоньку открыл люк, а оттуда выползли девушки в немецких комбинезонах. Особист стал орать типа «Хенде хох!», но сам от перепуга никак кобуру не откроет, а высокая девушка подошла к командиру полка и представилась «Капитан Воронина! 223 полк ночных бомбардировщиков!» И особисту: «Чего ты орёшь, как спекулянтка на базаре? Обосрался от страха? Мы свои!» Хохоту было! Точно, чего так орать было! Так кроме спасённых девушек мы тут привезли ещё и гостинцев море. Все были очень довольны, особенно начмед армии — ящикам с медикаментами. Ну а два ящика с консервами и ящичек с кофе я утащил к уже, можно сказать, своим девушкам-снайперам, им очень такое нужно. Благодарили они меня две ночи подряд, тут и наша Зоя, ставшая женщиной, с удовольствием отдалась мне. Тут мы вспомнили, что война уже год идёт. У меня даже сложился стих:

Уж год война кипела и бурлила, Всю страну собою поглотив, Безумством здравомыслие гнобила, В крови людской пространства затопив.

Мы с ними выпили, чтобы снять стресс, особенно мне так было непросто после этого полёта, немного даже в висках стучало после «отходняка». Но хоть «ночных ведьм» спасли мы. Как они сейчас? Девчонки-снайперы сказали, что после ночи со мной они совершенно спокойны, чувствуют себя отлично и у них ничего не болит, хотя после минометного обстрела немцами у них несколько порезов и ран. Тут я вспомнил рассказ моей чудесной любовницы, врача медсанбата в нашем авиаполку, прекрасного врача и чудесной красивой женщины, лицо которой мне ещё долго снилось, военврача в чине капитана — красавицы Светланы Алексеевой: — Секс, мои дорогие — это обезболивающее сильнее валиума. После секса уровень гормона окситоцина повышается, что приводит к выбросу эндорфина, убирающего любую боль. Вот у вас, просто к примеру, мои красавицы, теперь не так болят лёгкие раны и быстрее заживают, так? Зоя, когда ты кончила, я тебе в попку всунул, тебе больно было? Не красней, нет, я не для обиды или раскрытия нашей тайны, я просто уточняю, чтобы вы поняли то, что я рассказал вам. Так что, мои красотки, наши ночные прекрасные и сладкие посиделки и полежалки, когда вы прекрасно кончаете и получаете ещё и удовольствие — это смерть фашистским оккупантам! Девушки захихикали, а Зоя попросила меня ещё полежать с ней, чтобы она крепче заснула — завтра им опять на позицию. А когда мы обнялись, она тихо и так хитренько спросила: «Павел Иванович, а Вы ещё хотите?» Ну разве скажешь девушке, что ты не хочешь. Пришлось постараться, долго нежась между её полных ножек, а вот кончил я в сладкий умелый ротик Зои, похоже, что именно ей такой способ предохранения понравился намного больше, чем кончать в её пухлую попку.

Утром весьма довольные девушки, прозрачно намекнув, что и остальных нужно будет обязательно «полечить», собрались уходить на позицию, только попросили меня почитать им какой-либо стишок. Я им и рассказал, что после возвращения из тыла был немного в трансе и поэтому у меня вот такой стишок сложился:

Кончится бой. И вот только тогда ты время найдёшь, Каждому голосу жизни, как чуду дивиться. Тихо баюкает дерево дождь, Звонко окликает подругу синица...

Девушки заверили меня, что будут осторожны, чтобы вновь и вновь услышать эти голоса жизни и, крепко поцеловав меня, отправились навести фурор среди фашистов. Их офицеры теперь все ходят в пилотках, боясь меткого выстрела «СВТ», а их два снайпера, грозившиеся убрать девушек, ныне почивают в бозе.

А после завтрака меня вызвали в штаб.